

Формально Россия старается не декларировать открыто свою поддержку режима Асада, однако многочисленные публичные заверения российских официальных лиц не оставляют сомнений в том, что Москва делает все, чтобы сохранить у власти правящую в Сирии клику. Так, заместитель министра обороны А. И. Антонов в марте 2012 г. стал скрывать, что Россия снабжает сирийское правительство оружием и посылает туда военных советников. «Россия рада поддерживать доброе и развернутое военно-техническое сотрудничество с Сирией, и мы не видим причин пересматривать его. Российско-сирийское военное сотрудничество абсолютно легитимно». И добавил, что российские военные советники находятся в Сирии, обучая сирийскую армию¹⁶.

Официальная российская аргументация (нельзя допустить иностранного вмешательства, народ Сирии должен сам решить свою судьбу, необходимо национальное примирение) доверия не вызывает. Собственно, сама идея национального примирения предполагает согласие оппозиции с сохранением у власти нынешней правящей клики. На деле российская позиция обусловлена несколькими факторами. *Во-первых*, как считают многие эксперты, существует много общего между нынешними российским и сирийским режимами. *Во-вторых*, режим Асада — фактически единственный российский союзник на Ближнем Востоке. *В-третьих*, Москва хочет сохранить пункт материально-технического снабжения в Тартусе.

Но к этому стоит добавить еще одно. Поддерживая Асада, Россия пытается отвлечь силы и внимание западных стран от постсоветского пространства и примыкающих к нему Балтийского и Черноморского регионов, где сосредоточены геополитические интересы Москвы, и даже спровоцировать военную интервенцию западных государств в Сирию. В этом случае появится прекрасный повод в очередной раз обвинить Запад и прежде всего США в вооруженном вмешательстве во внутренние дела независимых государств. Это важно не только для сколачивания антиамериканской коалиции режимов, имеющих основания опасаться такого рода интервенций, но и в свете политической ситуации в самой России. Возникнут дополнительные аргументы для обоснования репрессий против оппозиции, на которую уже давно наклеен ярлык агентов американского Госдепа. И, что самое главное, военная операция против режима Асада, естественно, потребует от Запада намного больше политических, материальных и финансовых ресурсов, чем, например, операция в Ливии.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НЕВЕСЕЛЫЕ ЗАМЕТКИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ КРИЗИСА

Прошедшие полгода получились более чем нервными, хотя, по сути, происходят события, вполне предсказуемые. Но есть что-то *сильно небанальное* в том, что источниками наибольшей международной напряженности в последние три-четыре месяца стали не вопросы ПРО и не ситуация в Афганистане (где, очевидно, усталость и стратегическая *вымотанность* обеих сторон, что вообще-то может свидетельствовать о появлении запроса на *третью силу*). Центром международной напряженности стали гражданская война в Сирии, в традиционной ключевой точке Ближнего Востока, и территориальный спор вокруг островов Сенкаку. Иначе говоря, наиболее опасными с точки зрения мировой стабильности после многих зигзагов стали именно те регионы, которые и рассматривались в качестве первых кандидатов на дестабилизацию в первой половине 1990-х гг. Странные зигзаги, связанные с попытками замедлить формирование силовой многополярности и внедрить вместо нее некий *новый мировой порядок*, как видно, все-таки вывели мировую политику в исходное состояние. А это, помимо всего прочего, означает, вероятно, и то, что к исходному состоянию вернулись и экономические вызовы, с которыми столкнулись развитые капиталистические государства после распада

СССР. Эти два события в сущности и создали тот образ международных отношений, который мы наблюдали в последние 4 месяца.

БАГЕТ ДЛЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Картина, однако, становится картиной только тогда, когда она заключается в рамку, а еще лучше в красивый и недешевый багет. Картина получает глубину, вписывается во время и пространство, а детали приобретают неожиданный смысл. Попытаемся и мы вписать два упомянутых выше кризиса и иные разрозненные внешне события последних месяцев в некий смысловой багет. Как ни странно, этот багет, как и в случае с картиной, будет состоять из четырех элементов.

Во-первых, США всеми силами стремятся сохранить инициативу во внешнеполитических процессах. Даже и речи не идет о том, чтобы, хотя бы тактически, сыграть *вторым номером*, напротив, США в последние полгода стремятся проявить лидерство практически в любой ситуации, в которой косвенно участвуют. Масштабы американского интервенционизма не только не сократились по сравнению с периодом президентства Буша-младшего, но даже увеличились. Это явно показывает, что американская элита хорошо осознает остроту своего положения и понимает, что единственным вменяемым выходом является сохранение способности взимать со всех основных развитых стран своего рода *рену монополярности*, то есть сохранять способность ограничивать глобальную конкурентоспособность других игроков за счет военно-силовых средств (включая и партнерство в военно-силовых организациях и временных союзов). С современной Европой вопрос, кажется, ясен: конечно, Норвегия всегда была ну очень специфическим местом в Европе, но обсуждение вопроса о том, как нанести мяснику Брейвику, убившему 77 человек, наименьшее количество страданий, думаю, отражает общую европейскую тенденцию. Однако, скажем, с Китаем и намечающимся *латиноамериканским вызовом* (и это не Уго Чавес, это возможность индустриального рывка Бразилии и ее лидерства в регионе, которое будет посильнее боливарианской альтернативы, и португальский язык помехой не станет) дела обстоят куда более сложно. И для того чтобы сохранить возможность доминировать на этих направлениях, Вашингтон просто вынужден участвовать в любой внешнеполитической ситуации и в любой ситуации брать на себя бремя лидерства. Чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения в его потенциале. Вот только будет ли эта ноша для современного Вашингтона подъемной, пока никто не знает.

Во-вторых, несмотря на то что готовность крупных государств мира, прежде всего США, применять военную силу находится на сверхвысоком уровне, их способность на практике осуществлять военные акции не столь высока. То есть политически силовой порог в современном гуманистическом мире снизился и существенно, однако *технические детали* не дают даже самым сильным странам осуществлять неограниченное применение военной силы. Применение военной силы ограничивается целым рядом не просто формально-юридических, но и в какой-то мере *ритуальных* факторов. В частности, позицией ключевых международных организаций, наличием у противостоящей стороны влиятельных союзников. А главное, как и в прошлом, применять военную силу для продвижения демократии легко и просто там, где противник не страшен и где он ставит задачу *отсидеться*. А когда выясняется, что противник очень даже может пойти на жесткие действия, начинаются рассуждения о сложности современных международных отношений и о деструктивной роли России. Не думаю, что США впервые задумались над тем, что, может быть, не стоит вторгаться в Сирию, когда Россия и Китай наложили вето на анти-асадовскую резолюцию. Они задумались об этом, когда поняли, что сирийский режим сопротивляться будет и, вполне возможно, применит химическое оружие, причем совсем не обязательно на своей территории.

В-третьих, выяснилось, что союзник все-таки имеет значение. Все разговоры о возможности агрессивного *унилатерализма*, прежде всего со стороны США, остались не более чем разговорами. Именно то, кто твой союзник, определяет

свободу маневра ключевых игроков. К примеру, если бы президентом Франции до сих пор был бы Николя Саркози, а в Италии заправлял бы пресловутый *Каба-льеро*, то можно было бы быть полностью уверенным, что натовские самолеты уже пару месяцев бомбили бы Сирию. Оказывается, *политической поддержки* и отношений с Великобританией для того, чтобы развязать войну, не достаточно даже для США. Чего уж говорить о других государствах. И напротив, если бы единственными союзниками России в сирийском вопросе были иранский президент Ахмадинежад и Уго Чавес, а Китай занимал бы нейтральную позицию, то вряд ли действия Москвы были бы столь же решительны и непреклонны. Иными словами, в реальности крупная международная акция в современном мире может быть только коалиционной, причем не просто коалиционной, а почти консенсусной, когда несогласные не выступают против, а промолчат. Это серьезный вызов для всех крупных игроков на международной арене, прежде всего США и Китая, поскольку им собрать какую-то действительно серьезную коалицию будет крайне сложно, поскольку все прекрасно понимают *про что (и против кого)* будет эта коалиция и какова может быть цена за участие.

В-четвертых, что бы ни говорили борцы за права человека, главный вопрос современной мировой политики и экономики — это вопрос об источниках энергии. При чем можно сказать еще более грубо — вопрос о нефти. При всех разговорах об альтернативных источниках энергии и пресловутом сланцевом газе, большинство международных геополитических процессов, в том числе и ситуация вокруг Сирии, в конечном счете оказываются связанными с распределением влияния на ключевых транспортных коридорах, связанных с классическими углеводородами. Неужели кто-то думал, что участие в сирийском конфликте Катара действительно связано с заботой о демократии и правах человека? Ориентация на обеспечение доминирования на рынках углеводородов свидетельствует о трех принципиальных моментах, которые будут иметь и бесспорное военно-силовое измерение:

- Классические углеводороды останутся основой мировой энергетики, во всяком случае энергетики государств, которые будут давать наиболее стабильные темпы экономического роста. В какой-то мере такая экзотика, как сланцевый газ, возобновляемые источники энергии, а также атомная энергетика, хотя ее перспективы не ясны и достаточно еще одной значимой аварии, чтобы на ней был поставлен крест, будут сдерживать рост потребления энергоносителей, закрывая большую часть нарастающего глобальных потребностей в энергии, но не более того.
- Уровень цены на классические углеводороды будет относительно высоким и это будет связано не только и не столько с политической составляющей и спекулятивной составляющими (хотя последний фактор, безусловно, сохранится), сколько с рискованностью остальных товарных вложений. В кризис инвестиции в нефть (и в том числе политические инвестиции) оказываются вполне надежными, а главное — операции с нефтью при наличии политической *крыши* дают постоянный, хотя и не всегда стабильный доход.
- Очевидно, что ключевые потребители классических углеводородов и целый ряд поставщиков не удовлетворены сегодняшним раскладом сил на мировом рынке и будут теми или иными способами стараться его изменить. Могут действовать, как КНР, преимущественно экономическими способами, могут как США, формируя очаги управляемых конфликтов и продавая страждущим свои силовые возможности, могут как государства Персидского залива во главе с Саудовской Аравией пытаться использовать для передела рынка финансируемые ими исламистские движения. В любом случае уповать на то, что кому-то удастся сохранить комфортную ситуацию и прежние доходы без того, чтобы *крутиться*, наивно. Борьба за влияние на рынке будет весьма жесткая и, вероятно, совсем не джентльменская.

Определив для себя некие в чем-то новые, а в чем-то старые рамки развития мировых процессов, оценим с этой точки зрения то, что мы наблюдали в мире за последние 3–4 месяца.

СИРИЙСКИЙ ПАТ И ЕГО УЧАСТНИКИ

Именно конфликт в Сирии стал ключевым международным событием последних месяцев, затмив даже иранскую атомную программу. По сравнению с тем, что происходит в Сирии, бои войск покойного Муаммара Каддафи с салафитским ополчением напоминают больше игру в *Зарницу*, но с недетским, хотя и предсказуемым финалом. Ясно, что ни авторы комбинации, ни сирийские власти, ни оппозиция, ни втянутые в конфликт политической логикой *зеваки* (прежде всего европейские страны) даже в самых смелых мыслях не могли себе представить такого масштаба насилия, такой продолжительности конфликта и такого ожесточения его участников.

Дело не в том, хорош Асад или плох, хотя те, кто считает и говорит, что оппозиция будет более демократична, либо лгут, либо просто неумны. Дело в том, что Асад доказал (в том числе зачисткой Дамаска и Алеппо), что он — серьезная фигура, которая добивается своих целей и мало обращает внимания на окрики извне. А оппозиция доказала, что она ничего не представляет без помощи Запада, даже несмотря на поддержку *Аль-Каиды*, и хороша только тогда, когда надо давать интервью *Аль-Джазире*. Как только начинается стрельба или как только дело доходит до принятия кардинальных решений, решительность оппозиции куда-то исчезает, а на *сцене* остаются лишь силовики Асада да исламистские радикалы (та же *Аль-Каида* с незначительными вкраплениями других структур типа *Исламского джихада*).

Можно по-разному относиться к тому, что делает сирийское руководство и как оно это делает. Однако более чем полуторагодовое сопротивление сирийского режима говорит о том, что сопротивляется не столько режим, сколько значительная часть общества. Этого не могут не видеть только самые ангажированные люди, которые окончательно решили разменять статус специалиста на должность пропагандиста. Режим, то есть группа лиц, напрямую связанная с авторитарным правителем, может сопротивляться некоторое время, однако, как показал опыт Саддама Хусейна и Каддафи (а это были классические режимы, которые действовали вне общества и очень часто — против общества) монолитность режима легко разрушается, а союзники легко перекупаются. И в сирийском случае страны Запада четко шли по данному сценарию — и ошиблись. Да, на сторону оппозиции переметнулись многие генералы, даже премьер-министр (правда откровенно опереточный) и бывший космонавт. Но реальный эффект этих событий на ход войны оказался существенно меньше, чем кто-то мог представить. Разве только сторонники Асада окончательно озверели и полностью отказались от тактики *умиротворения* и попыток диалога: только во второй половине августа 2012 г. правительственные силы начали системно расстреливать пленных оппозиционеров и подозреваемых в оппозиционных симпатиях, до этого они явно стремились сохранять видимость законности. Сравните уровень жестокости при зачистках Хомса и Алеппо, и вы поймете, что ситуация изменилась качественно. И именно в этот момент оппозиция сравнительно быстро лишилась практически всех завоеванных позиций, оставшись один на один с надеждой на американскую интервенцию.

Поддерживая непримиримость оппозиции, США и их союзники все же затолкали страну в водоворот полноценной гражданской войны (с уже совершенно откровенной религиозной спецификой). Только вот контрагенты американцев оказались к этому не готовы. Остается только радоваться каждому сбитою правительственному самолету и выкладывать в интернет видеоотчеты не понятно о чем, но героическом. Причем с обязательными криками *Аллах Акбар* за кадром, видимо, чтобы не перепутали с кем-то другим. Сравните *отчетные* видеосъемки чеченских боевиков и творчество сирийской оппозиции, и вы удивитесь, насколько эта продук-

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа: В Сирии стороны продолжают бряцать оружием, а внешние акторы скрыто воздействуют на ситуацию в стране. Вероятность внешней военной интервенции сохраняется, но скорее всего это будет интервенция низкой интенсивности, направленная на дестабилизацию сирийского государства. Далее последуют более активные действия для начала транснациональной военной интервенции. Угроза применения режимом Башара Асада химического оружия преувеличена. Сирийские власти отдают себе отчет в том, что это может стать спусковым механизмом для внешнего военного вмешательства, а потому не пойдут на обострение. Слухи, муссируемые вокруг химического оружия Сирии, усиленные цифровыми спецэффектами масс-медиа, сеют панику и могут стать катализатором войны. Ситуация напоминает *Тонкинский инцидент*, когда для начала военных действий против Северного Вьетнама США нужен был лишь повод и они нашли его.

На фоне кризиса в Сирии не вызывает оптимизма ситуация вокруг Ирана и его ядерной программы. США и союзники усиливают пропаганду против этой страны и нагнетают напряженную атмосферу. В таких условиях сомнительно, что на намеченных на конец августа переговорах *шестерки* международных посредников и ИРИ возможно найти компромисс. Некоторые гегемонистские державы просто не допустят этого. Дискуссии вокруг Ирана схожи с попытками найти решение по Сирии, когда стороны умышленно придумывают причины и отговорки, дискредитирующие любые конструктивные мнения и предложения. Все это делает невозможным дипломатический исход кризисов и приближает военный сценарий их разрешения. Но если внешнее вторжение в Сирию случится, то Иран воспримет его как угрозу собственной безопасности и предпримет ответные действия. Они в свою очередь будут представлены как акт агрессии со стороны ядерного Ирана и станут предлогом для военной операции против ядерных объектов страны. *Эффект домино* окажет прямое влияние на предвыборную кампанию в США. Не исключено, что именно выборы в США являются главной целью тех, кто стремится реализовать подобный сценарий.

ция похожа, а значит, и цель продукции та же. Потребитель, вероятно, примерно тот же.

Возможно, в конце концов они и победят, особенно учитывая нарастающую помощь Запада и аравийских ваххабитов, и прямое стягивание в конфликт Турции. Однако от этого они — то есть сирийская часть оппозиции, а не представители Аль-Каиды и других международных террористических структур — не станут серьезными людьми, с которыми можно иметь дело в принципе.

Вопрос в другом. Можно ли иметь дело с европейскими странами, прежде всего Францией, Италией и Германией (Великобритания в данном случае, не в счет, ее симпатии и причины этих симпатий понятны и предсказуемы), которые ничтоже сумняшеся начинают не просто сотрудничать с откровенными террористами, угрожающими сбивать гражданские самолеты, но и поставляют им оружие, международный трансфер которого, вообще-то, находится под строжайшим контролем,

почти запретом? Ответ на этот вопрос очевиден — с нынешними элитами подавляющего большинства европейских государств дело иметь нельзя по причине их геополитической невменяемости. Беда в том, что эта невменяемость в дальнейшем, судя по всему, будет только нарастать.

Главным бенефициаром ситуации вокруг Сирии пока выглядит Иран. Главной задачей иранцев был выигрыш времени и втягивание своих региональных противников в затратную и политически проигрышную ситуацию. И Тегеран этого добился не то чтобы с блеском, но с некоторым изяществом. На август 2012 г. Тегеран выиграл уже больше года и, как знать, сколько еще продержится Асад, оттягивая на себя силы американцев и их региональных союзников. А время играет на Иран (и косвенно на Асада): чем дальше втягиваются саудовцы, катарцы и другие страны Персидского залива в водоворот насилия, тем больше вероятность *рикошета* — политического и возможно даже силового — на территории самих этих стран. И тогда Иран сможет играть куда более свободно в мягком подбрюшье Саудовской Аравии, создавая прямой рычаг давления на США. То, что Тегеран потихоньку начинает подергивать за эти ниточки, можно понять из активизации политической жизни и чувства собственного достоинства у шиитских общин в Персидском заливе.

Главный неудачник — Турция. Помимо того, что Анкара проиграла борьбу за контроль над сирийской оппозицией неосалафитским режимам аравийских государств, Турция получила очаг нестабильности на своих границах с плохим скрываемым курдским акцентом. Нейтрализовать эту угрозу можно только одним способом — все-таки *додавить* США и их европейских союзников на прямую военную интервенцию в Сирию, главным инструментом которой будет турецкая армия, что даст возможность создать *зону безопасности*. В противном случае речь будет идти о колоссальной геополитической ошибке турецкого руководства. А у каждой ошибки, как говорил Л. М. Каганович, есть фамилия, имя и отчество, которые в данном случае всем понятны — Таиб Реджеб Эрдоган. Именно его политические амбиции привели к тому, что Турция, которая, как правило, оставалась *над схваткой* в большинстве региональных конфликтов последнего времени, не просто втянулась в круговорот сирийского этноконфессионального насилия, но и утратила возможности контроля над теми процессами, которые происходят на ее же собственной территории. Ведь лагерями подготовки сирийских боевиков Анкара управляет лишь номинально, а ситуацию в лагерях беженцев, естественно, никто не контролирует в принципе.

Однако если приглядеться к скрытым смыслам сирийской ситуации, то главным неудачником становятся США. Вернее не столько США в принципе, сколько лично Барак Обама и Хиллари Клинтон. Раскрутив необходимость практически любой ценой сместить Башара Асада, они сами загнали себя в угол — представьте, каково будет им переизбираться, не выполнив ключевого внешнеполитического приоритета и каково будет влезать в вооруженный конфликт с неясными результатами накануне выборов, когда любая нелепая случайность может качнуть общественное мнение в противоположную сторону?

Мораль: даже ощущая свою силу, необходимо очень тщательно оценивать последствия игры в дестабилизацию. Кто-то все еще сомневается в том, что Россия правильно делает, поддерживая нынешнюю власть в Дамаске?

США: ВЫБОР РЕАЛЬНОСТИ

Считается, что нынешние президентские выборы в Соединенных Штатах развиваются в условиях, когда внешнеполитические вопросы значат предельно мало для американского общественного мнения. Это правда лишь отчасти: конечно, в условиях уже надоевшего всей Америке ожидания новой, еще более ужасной волны экономического кризиса, вопросы многополярности и союзнических отношений с Европой (особенно учитывая европейский экономический кризис) становятся

для американского обывателя второстепенными. Проблема только в том, что американский избиратель уже давно никого сам по себе не выбирает. Даже если он и проявляет удивительное свободомыслие (как, например, избрав президентом Буша-младшего), то ему наглядно и довольно жестко объясняют, что он неправ. Выбор президента в современных США — это выбор даже не господствующего клана в элите, а выбор модели управления процессом гармонизации интересов элитных кланов.

Так что нынешняя внутривластная коллизия в США, — это не вопрос о власти. В конечном счете, если отрешиться от того, что оба кандидата в президенты по американским меркам *экзоты*, то становится ясно, что обе группы, их выдвинувшие, представляют примерно одни и те же группы в элите. Это и не вопрос о выборе между глобализмом и изоляционизмом, хотя изоляционистские нотки у Митта Ромни проскальзывают. И тем более не вопрос о выборе социально-экономической модели: ресурсов, чтобы что-то кардинально поменять в экономическом развитии, у США нет и уже не будет никогда. Это выбор той технологической базы, на которой будет строиться власть в США, возможно, выбор не на 4 года, а на существенно более длительный срок.

Победа Барака Обамы закрепит в американской политике опору на преимущественно *мягкий* инструментарий, стремление к формированию консенсуса по практически любому вопросу, как внешне-, так и внутривластному. Провозгласив лозунг перемен, демократическая администрация в действительности никакими переменами не занимается ни во внутренней, ни во внешней политике. И именно поэтому идея *перезагрузки* в отношениях с Россией (идея расширения политического взаимодействия с целью смены настроений власти в России, если говорить откровенно) так до неприличия лелеялась в Вашингтоне. Ведь именно *перезагрузка* с Россией являлась единственным элементом внешней политики, где Вашингтон решился — хотя и вынужденно — сменить не только тон пропаганды, но и методы внешней политики.

В остальном господствовало явное нежелание каких-либо кардинальных действий, наиболее ярким примером чего стала позорная для либеральной в целом администрации ситуация с тюрьмой Гуантанамо. В наибольшей степени системный конформизм администрации Обамы проявился как раз в Афганистане. Нынешняя американская администрация не просто не смогла или не захотела ничего изменить в подходах к операциям в этой стране. Она довела зубодробительную тактику администрации Буша до логического завершения, то есть окончательно абсурда, после чего в американских солдатах стали стрелять не столько Талибы, сколько военнослужащие сформированной, укомплектованной, оттренированной и финансируемой самими же американцами афганской армии. И это при том, что собственная военная активность Талибов за последние полгода снизилась кардинально. А главное — нет никаких признаков того, что в глубинах мысли либералов из американской администрации родилась хоть какая-то новая идея о том, как им обустроить Афганистан, чтобы комфортно оттуда уйти.

Победа Митта Ромни будет означать, что американская олигархия сделала ставку на прорыв сквозь кризис в том числе и за счет внутривластной поляризации, обострения идеологических противоречий и общей идеологизованности американской политики. Это будет, своего рода, *встречный пал*, когда неблагоприятные тенденции выжигаются встречным пожаром. Правда, после этого остается только пепел, а главное, такого рода действия, как показывает пример Ричарда Никсона, предполагают, как минимум, временное сознательное обострение в мировой политике. И в этом контексте сильно ошибаются те, кто думает, что объявление России главным противником США — всего лишь пропагандистский трюк. Напротив, в случае победы Ромни Россия может столкнуться с весьма жестким давлением, причем даже в прямых силовых формах. Посудите сами: для того, чтобы консолидировать элиту *под себя* (а Ромни, если победит, то с крайне значительным отрывом), нужен кризис. Устраивать серьезный кризис внутри страны опасно — можно утратить рычаги управления. Поэтому кризис лучше устраивать

Евгений Бужинский (Россия), старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы: Прошедшие в Москве переговоры по иранской ядерной программе имели скромный успех. Позиции шестерки международных посредников и Ирана по-прежнему остаются практически диаметрально противоположенными, но готовность сторон к продолжению диалога вселяет осторожный оптимизм. Заметно ухудшается ситуация в Сирии. Очевидно, что Запад взял окончательный курс на смещение Башара Асада, и активность антиправительственных сил будет только усиливаться. Более того, сбитый сирийцами турецкий самолет-разведчик может послужить поводом для внешнего вмешательства в конфликт в Сирии. Многое будет зависеть от решения Североатлантического совета НАТО, созываемого по просьбе Турции. Боюсь, что шансы на повторение югославского сценария возрастают. На фоне всех этих событий региональная и глобальная обстановка в мире заметно ухудшится.

на международной арене, причем в том регионе, который *не жалко*. Россию — не жалко. При этом общественное мнение должно поддержать любые действия администрации, что в случае с Россией практически обеспечено — имперские поползновения и антидемократические тенденции в нашей стране уже давно разоблачаются всеми демократическими СМИ, включая гостелевидение маяка демократии — Саудовской Аравии. При этом за *пятой колонной*, которая сможет на внятном английском языке обратиться к США за поддержкой, дело не станет, равно как и за *правительством в изгнании* (естественно в Лондоне), если дело пойдет совсем бойко. И при этом противник США в данном случае должен быть не страшен с точки зрения ответных действий. А репутация России с точки зрения обороноспособности сейчас, как говорит молодежь, *ниже плинтуса*.

Так что сценарий прямого силового давления в отношении России — совсем не фантастика или конспирологическая выдумка, а вполне себе технологическая реальность, причем очень неплохо ложащаяся в возможные американские внутрисполитические схемы. Что до глубокой уверенности, что у Ромни шансов нет, то в современных США возможно все, особенно если власть предрежающие решат, что Барак Обама не справился с возложенной на него миссией, тем более, что он объективно с ней не справился.

КИТАЙ: НЕКОМФОРТНАЯ ПОГОНЯ ЗА ЛИДЕРОМ

Рассуждения о грядущем противоборстве КНР и США в борьбе за мировое лидерство стали общим местом, причем длятся они уже лет пять, а свидетельством нарастания противоборства считается постоянное — и это факт! — усиление публичной полемики между двумя государствами. На этот раз очередной всплеск рассуждений о восстановлении биполярности совпал не только с ситуацией вокруг Сирии, когда КНР неожиданно решила не *терять лицо*, но и полуклоунскими выпадами на островах Сенкаку. Дополнительно масла в огонь подлили выступление госсекретаря США Хиллари Клинтон в Того, где она прямо указала на Китай как на источник возможных проблем в Африке, назвав китайцев *чужаками* (вероятно, подразумевается, что американцы для жителей Того — земляки), и ситуацию вокруг банка *Standard Charters*, в которой явно прослеживается китайское присутствие. Конечно, внешне мы действительно переживаем очередной всплеск

американо-китайских противоречий. Но так ли уж они серьезны? В конечном счете биполарность возникает, когда появляется *альтернатива*. А Китай альтернативой не является ни с идеологической, ни с экономической точки зрения. Китай, скорее, старается сократить отставание от США в возможностях международного влияния, опираясь на растущий экономический потенциал. Иными словами, мы имеем, если разобраться, классический случай догоняющего развития, осложненный реальными противоречиями в жизненно важном для КНР регионе Северо-Восточной Азии и геополитическими амбициями Поднебесной.

Создается устойчивое ощущение, что китайцам все время чего-то не хватает для решительного утверждения своих глобальных претензий. В последние полгода это стало совсем очевидно. Практически все их вроде бы хитроумные планы по проникновению в ключевые с точки зрения Пекина регионы мира оканчиваются либо провалом (например, попытка проникновения в Западную Африку, прежде всего в Гвинейский нефтегазовый район), либо превращаются в *толкание* с другими игроками без видимой перспективы геополитической капитализации затраченных средств (например, в Центральной Азии).

А не хватает прежде всего решительности, а главное — способности объяснить, доказать американцам, что *теперь все серьезно*. Во многом этому способствует не только экономическая зависимость КНР от американского рынка, но и выбранная китайским руководством (вероятно, под воздействием исторических и идеологических факторов) стратегия глобальной экспансии по направлениям наименьшего сопротивления со стороны глобальных конкурентов, прежде всего США.

США данное обстоятельство понимают прекрасно: противодействуя Китаю (иногда в весьма хамской форме, как например, в ходе поездки Хиллари Клинтон по странам Африки), США исходят из того, что Китай никогда не пойдет на такое обострение отношений с США, которое бы поставило под угрозу присутствие Китая на американском рынке и его доступ к американской финансовой системе. Поэтому считают, что могут идти на эскалацию полемики и политического давления практически без ограничений. Поскольку направления *наименьшего сопротивления*, по понятным причинам, отказываются совсем не теми регионами, где Пекин ради расширения присутствия готов пойти на серьезный конфликт с США.

Исключение, конечно, составляют Северо-Восточная Азия и Корейский полуостров. Все понимают, что в этих регионах китайцы могут пойти на существенно более решительные действия. И в этом смысле напряженность вокруг островов Сенкаку для американцев — вещь не вполне приятная и уж точно преждевременная, ведь выстраиваемого партнерства с Вьетнамом (а кто, как вы думаете, был главной *целевой аудиторией* гей-парада в Хошимине, кому вьетнамские коммунисты давали сигнал?) может и не хватить для сдерживания китайцев. Особенно в свете процессов в КНДР, где, вероятно, прокитайская группа смогла существенно потеснить *автаркистов*.

Однако если слишком сильно показывать китайцам, что их экономический потенциал не может быть без согласия Вашингтона трансформирован с глобальное политическое влияние, то рано или поздно китайцы с этим согласятся. А согласившись, могут сделать забавный вывод о том, что для того, чтобы стать по-настоящему глобальной державой, было бы неплохо и *силу употребить*. В принципе, некий опыт более жесткого поведения у китайцев за последнее время образовался: не следует забывать как жестко и демонстративно они действовали против американско-индийских ставленников на Мальдивских островах, которые только российским политикам кажутся всего лишь туристическим раем. И если США будут слишком сильно *обкладывать* КНР *флажками*, то китайцы вполне могут решиться и на жесткий выпад, а вот хватит ли у США сил его парировать — большой вопрос. Тем более что объективно силовые возможности США уже довольно давно находятся на грани исчерпания.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОНЕЦ ОСТРОВКА СТАБИЛЬНОСТИ

Конечно, по сравнению с теми процессами, которые происходят на Ближнем Востоке, ситуация на постсоветском пространстве выглядит явным островком стабильности. Действительно, пока масштабы насилия, даже с учетом явного обострения ситуации на Кавказе и становящейся системной стрельбы с большим числом жертв в славящихся своей стабильностью Казахстане, существенно меньше того, что происходит в других регионах, например, на Ближнем Востоке. Однако относительное *спокойствие* не должно никого вводить в заблуждение — в данном случае важен тренд, а он неблагоприятен и не дает почвы для оптимизма. Можно говорить о трех важнейших процессах, которые, вероятно, уже в самом ближайшем будущем изменят не только политическую, но и военно-политическую картину постсоветского пространства (и Россия в данном случае далеко не исключение).

Первое. Окончательный отрыв экономического роста от процессов социального развития и социальной стабильности. Экономические показатели все еще остаются вполне нормальными, несмотря на постоянное обсуждение того, когда же уже начнется новая волна кризиса, однако общество в целом и обыватели в частности это улучшение ощущают все меньше и меньше. Конечно, и раньше плодами экономического роста пользовалась в основном крайне немногочисленная прослойка общества постсоветских государств, однако теперь данный процесс приобрел настолько откровенный масштаб, что говорить о стабилизирующем влиянии экономического роста на социальную ситуацию становится просто неприлично. Причем очень показательно, что в наибольшей степени социально-экономическая дестабилизация проявляется в тех государствах (Россия, Казахстан, Таджикистан, в несколько меньшей степени — Узбекистан), где формальные темпы экономического роста очень даже неплохи, но где система *кланового кормления* в экономике доведена до совершенства. В тех государствах, которые, будучи подверженными негативным политическим и экономическим процессам, должны были в наибольшей степени страдать от социальной разбалансировки (Украина, Белоруссия, Киргизия), напротив, ничего *из ряда вон выходящего* по сравнению с 2011 г. не наблюдается. Конечно, ничего позитивного не происходит и там, но, по крайней мере, ситуация не ухудшается. Такой вот характерный феномен, доказывающий, что самые страшные вещи для социального развития — клановая монополия (к слову, ликвидирующая понятие конкурентоспособности элиты в принципе) и отсутствие конкуренции. Дополнительно ситуация обостряется зависимостью большинства стран постсоветского пространства от рынка Европы.

Второе. Нарастание межнациональных проблем и усиление религиозного фундаментализма, прежде всего, безусловно, исламского. Конечно, постсоветское пространство в той или иной степени сталкивалось с всплеском тенденций радикального исламизма, но считалось, что это происходит в специфических регионах и на периферии пространства. События в Фергане, где исламский фактор присутствовал во всю, списали на политические факторы и борьбу за демократию. Теперь явное усиление радикальных исламистских тенденций происходит там, где это еще вчера считалось крайне маловероятным. Когда в Казахстане обнаруживается исламистское подполье это, конечно, проблема, но проблема, до известной степени предсказуемая. Но когда исламистское подполье, причем в весьма экзотических формах, обнаруживается в Татарстане, это становится очень неприятным сигналом элитам постсоветского пространства (в данном случае разговор о наличии границ и существовании различных государств с разным отношением к исламистам будет лишь затенять реальность) о том, что постсоветское пространство общеглобальные процессы не миновали. А мы продолжаем утешать себя откровенно устаревшими концепциями *европейского Ислама* (что это такое — лучше всего теперь узнать в парижских и лондонских предместьях), толерантного евразийского христианства и высокого

Ы
В
О
С
С
Е
Д
О
Р
П
Х
Ы
В
О
М
И
Р

уровня резистентности населения постсоветских государств к радикальным тенденциям.

Третье. Эрозия постсоветского элитарного экономического консенсуса и экономической модели. Относительная стабильность постсоветского пространства определялась консолидацией местных элит на крайне простой, если не сказать примитивной, базе — эксплуатации советского индустриального наследства, причем по принципу *на наш век хватит*. И отказом от каких-либо действий, которые эту экономическую модель могли бы нарушить. Конечно, были исключения: Михаил Саакашвили, да и то, вероятно, потому, что советское наследство в Грузии было раньше всех разворовано и разрушено. Интересно, что в Таджикистане, пережившем куда более жестокую гражданскую войну, рассматриваемая модель прекрасно действовала. То, что происходит в последние полгода, может свидетельствовать о том, что *наш век* заканчивается. Элитные кланы перестают рассматривать модель паразитирования на остатках советской экономики как гарантированное средство выживания. Говоря простым языком, за последние три-четыре месяца постсоветские правящие элиты стремятся побыстрее *обкешиться*. Иными словами, снять с себя бремя управления советскими активами и постепенно отойти от дел. Достаточно посчитать количество родственников *великих сердаров* и прочих сильных мира сего, *отъехавших* в спокойные страны. Это характерно практически для всех постсоветских государств за исключением, вероятно, Белоруссии (поскольку созданная там система *одного окна* продолжает исправно функционировать) и, возможно, Украины (поскольку там противоборство различных кланов в элите начинает напоминать классическую казацкую *замятню* и *обкешивать* пока нечего). В России для того, чтобы понять *масштаб бедствия*, легче всего посмотреть на программу приватизации. Причины этого массового явления понятны: старение оборудования и инфраструктуры, в которые никто ничего не планирует вкладывать, но главное — ощущение приближающихся масштабных проблем. Но, если кто-то стремиться *обкешиться*, то у кого-то неизбежно появляются собственные представления о том, как получать в свое распоряжение необходимые для выживания финансовые ресурсы. То есть на повестку дня выходит возможность масштабного и, вероятно, кровавого передела *экономического пирога*, поскольку есть большие сомнения, что собственность так уж безболезненно перейдет к *портфельным инвесторам*.

Вывод из всего вышесказанного прост и циничен: к сентябрю 2012 г. на постсоветском пространстве сложились все основные предпосылки для возникновения крупного конфликта с выраженной религиозной составляющей. Островок стабильности оказался всего лишь неким Хитровым рынком, когда несколько хозяев криминальных трущоб решили, что строительство *светлого будущего* их не касается и продолжили в закопченных подвалах и буйных малинах делить барыши, не замечая, что кольцо вокруг них сжимается.

Когда и как новая жизнь ворвется в этот мирок — пока неясно. Это будет зависеть от множества неизвестных пока факторов. Насколько ситуация прошла *точку возврата* тоже пока не ясно. Но то, что ситуация в регионе начинает переходить в новое качество, не заметить уже нельзя. И в таких условиях было бы неплохо присмотреться к тем региональным структурам безопасности, которые понастроили в постсоветской Евразии за последние 20 лет: как знать, может еще пригодятся.

PUSSY RIOT КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Заметно, что в этом обзоре сравнительно мало писалось про Россию. Это логично, поскольку влияние на мировые процессы государства, которое три месяца занималось преимущественно тем, что решало, что делать с тремя глупыми и предельно распущенными девицами, да считало, сколько же украли на строительных подрядах в связи с проведением во Владивостоке саммита АТЭС, стремится естественным образом к нулю. Я уже не вспоминаю об имидже государства — эта величина

стала настолько эфемерной, что уже совершенно откровенно игнорируется властью предрержащими. Кстати, зря, ибо имидж определяет тот формат, в котором страна говорит с партнерами. Вопрос не столько в том, *хороший* или *плохой* этот имидж, поскольку такими понятиями во внешней политике не оперируют. В данном случае важно *серьезный* или *несерьезный* у страны имидж. И надо отдать должное нашим властям: они доказали всем, что имидж у нас несерьезный.

Все попытки обозначить Россию как некую силовую составляющую в современных международных отношениях были непринужденно дезавуированы самими российскими властями, явившими миру уже не просто срыв очередного гособоронзаказа, но системную неспособность военных заказать то, что реально нужно армии (итальянские броневики и вообще закупки зарубежного вооружения, как мы понимаем — скорее из области, которой занимается Следственный комитет), а оборонной промышленности — произвести то, что реально нужно армии. На фоне катастрофы с ракетно-космической отраслью это делает все пиар-попытки доказать обратное явно неубедительными.

Кстати, интересно все-таки, что мы — Россия — собираемся обсуждать на саммите во Владивостоке? Есть ли у нас, в принципе, есть идеи относительно присутствия в регионе, или тут как на Олимпийских играх — главное участие, тем более что бюджет уже освоен? Или искренне считаем, что понятие *саммит* включает исключительно приятные вещи вроде шампанского с устрицами на открытии мероприятия?

Дополнительно ситуацию обостряет и то, что к новой волне экономического кризиса Россия подходит — даже по признанию лояльных властям экономистов — при полном отсутствии каких-либо новых идей в сфере экономической политики. Понятно, что возможность какого-то реального экономического маневра для России на сегодняшний день полностью утрачена. В кризис Россия вступает с традиционными политико-экономическими проблемами, которые к тому же весьма специфическим образом дополняются обострением военной и политической обстановки по периферии. Но столь откровенная интеллектуальная импотенция, которую являют нам российские либерально-провластные круги, отвечающие за макроэкономику в последние полгода, уже бросается в глаза. На этом фоне высказанная В. В. Путиным идея обеспечить сохранение экономического роста за счет рывка в оборонной промышленности (а именно так в 1932–1934 гг. Советский Союз начал спасаться от последствий глобального экономического кризиса 1929–1931 гг.) выглядит, без всякой иронии, — прорывной. Правда, никто не вспоминает, что именно из рывка 1932–1934 гг. и последовавшего за ним бесконтрольного расходования бюджета вырос 1938 г. (не 1937-й, у которого истоки все же были политические, а именно 1938-й), породивший странные флуктуации в биографиях директоров оборонных предприятий и главков, а также некоторых главных конструкторов. И что самое главное — почти все, что в тот период наконструировали и наклепали, оказалось совершенно, как говорится, *не в тему* и по качеству, и по конструкции, да и по деньгам. Хотя количество и восхищало.

И, тем не менее, Россию недобрым словом поминали все западные средства массовой информации и отнюдь не только в связи с *Pussy Riot*. Оказалось, что даже в таком, откровенно ослабленном состоянии Россия может, используя присутствие в международных организациях и политические отношения с КНР и Ираном, испортить планы США и их союзников практически до стадии *потери лица*. Это говорит прежде всего о двух важнейших обстоятельствах.

Во-первых, важнейший итог последних трех-четырёх месяцев заключается в том, что наглядно стало понятно новое соотношение *жесткой* и *мягкой* силы. *Мягкая* сила все еще имеет большое значение. Это означает, что Россия может и должна использовать потенциал имеющихся международных организаций, в которых она все еще сохраняет влияние. Надо сказать, в истории с вето на антиасадовские резолюции *друзей Сирии* (чуть не написал *друзей Аль-Каиды*) это получилось неплохо.

Во-вторых, реальные политические и операционные ресурсы США и их западных союзников в действительности не столь велики, как принято думать. И они во многом уже задействованы в ситуациях вокруг Сирии и Ирана, а также в Афганистане. И на то, чтобы заняться Россией, у США нет ни сил, ни времени. Есть деньги, но их одних недостаточно. И с этой точки зрения заявление Ромни о том, что Россия становится главным противником, — весьма опасный сигнал, который действительно может свидетельствовать о готовности к перераспределению ресурсов. И отнестись к нему надо, как уже говорилось, со всей серьезностью.

Исходя из вышесказанного можно прийти к следующим принципиальным выводам:

- Если система внешнеполитических приоритетов США в ближайшем будущем не изменится (приход Митта Ромни к власти не является здесь обязательным условием), ресурсов для *стабилизационных* (или дестабилизационных) мероприятий на постсоветском пространстве у США не будет. Исключение, вероятно, составляет Грузия, поскольку даже Обама, не говоря уже о Ромни, никогда не допустит такой *потери лица*, как обвал этого американского доминиона.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Греция по-прежнему — главная головная боль Европейского союза. Здесь не действуют экономические принципы и законы, которые вполне эффективны в других странах зоны евро, а потому правомерно отнести Афины к особой категории стран ЕС. Высокий уровень безработицы, низкая социальная сплоченность, необходимость проведения повторных парламентских выборов, чтобы избежать очередного популистского курса, способного серьезно ухудшить отношения с ЕС — все это характеризует нынешнее состояние дел в Греции. Несмотря на силы и средства, брошенные на спасение греческой экономики, макроэкономические показатели далеки от стабильных, а государственные долговые обязательства за последние 10 лет — самые высокие в мире. 19 июня в Греции прошли повторные выборы в парламент. Политическим силам, ориентированным на усиление интеграции страны в ЕС удалось добиться необходимого большинства и сформировать правительство. Но даже результаты этих выборов не смогли развеять нарастающих опасений по поводу финансовой стабильности региона. Немного оптимизма придало то, что уровень государственных долговых обязательств составил 24, 52%, что немного ниже показателей 2011 г., когда они составляли 30%.

Поскольку доверия к экономической политике греческого государства уже нет, встает вопрос: «Что будет дальше?». Можно с уверенностью сказать, что выход Греции из еврозоны не предрешен и может никогда не произойти. Но возможно и другое прочтение ситуации. Текущая деятельность может означать консолидацию греческой экономики с тем, чтобы она не рухнула после возвращения к драхме и ее девальвации относительно курса перед переходом на евро. Подобная девальвация, соответственно, повысит конкурентоспособность греческой экономики. Но, на мой взгляд, страны еврозоны и институты Евросоюза предпримут все возможные меры, чтобы сохранить Грецию как часть зоны евро.

- Вероятнее можно ожидать существенной активизации китайской активности в регионах, расположенных по периферии России. Китайцы, верные своей стратегии движения по линиям наименьшего сопротивления, попытаются использовать в своих интересах локальную слабость американцев и неспособность России заполнить этот вакуум. Причем с учетом того, что у Китая на данном направлении есть контролируемая политическая инфраструктура — Шанхайская организация сотрудничества, внешне все может выглядеть почти цивилизованно.
- Итоги развития ситуации вокруг Сирии, вероятно, убедят США и Запад, а также их сателлитов (Саудовскую Аравию и пр.), что для успешного решения их внешнеполитических задач необходимо, чтобы Россия больше занималась своей внутренней политикой и меньше *гадила цивилизованному миру* во внешней. Так что есть основания полагать, что у российской оппозиции, включая радикал-исламистов, проблем с финансированием в ближайшие годы не будет.

Подозреваю, нам стоит готовиться к жаркому времечку, если, конечно, пророчество мая не окажется правильным. Подождем до декабря. Кстати, будет ровно год, как нам пообещали возвращение стабильности. Шутники.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ 2012 General Election: Romney VS. Obama. *The Huffington Post*. 2012, 19 August, <http://elections.huffingtonpost.com/pollster/2012-general-election-romney-vs-obama> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

² Obama Job Approval. *The Huffington Post*. 2012, 19 August, <http://elections.huffingtonpost.com/pollster/obama-job-approval> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

³ Рассчитано по данным американских правительственных ведомств. См: Historical Tables. *Office of Management and Budget*, <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.); Labor Force Statistics from the Current Population Survey. *Bureau of Labor Statistics*, <http://data.bls.gov/timeseries/LNS14000000> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.); United States Census Bureau, <http://www.census.gov/hhes/www/poverty/historical/people/.htm> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁴ 2012 Election Map: The Race for the Presidency. *The Washington Post*, <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/politics/election-map-2012/president/> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁵ Hubbard R. Glenn, Mankiw N. Gregory, Taylor John B., and Hassett Kevin A. The Romney Program for Economic Recovery, Growth, and Jobs. 2012, 2 August, <http://www.docstoc.com/docs/125714335/Romney-Tax-Reform-White-Paper> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁶ Медикэйр — система предоставления почти бесплатного медобслуживания для лиц старше 65 лет. Финансируется за счет специального налога, которого уже не хватает. В растущей степени финансируется из федерального бюджета. Фактически предлагается частично приватизировать эту систему с тем, чтобы конкуренция частных страховых компаний понизила стоимость медобслуживания, которое по-прежнему будет финансироваться государством.

⁷ Поможет ли Пол Райан Митту Ромни? *Радио Свобода*. 2012, 14 августа, <http://www.svoboda.com/content/article/24676143.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

⁸ Кругман Пол. Профессиональное злоупотребление республиканских экономистов. *Независимая газета*. 2012, 20 августа, http://www.ng.ru/krugman/2012-08-20/5_republicans.html (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

Б
В
Р
О
С
С
С
Б
Е
О
Д
Р
О
П
Х
Б
В
О
Р
И
М

⁹ СМИ: Москва уже выбрала преемника для Башара Асада и договорилась с США. *Военное обозрение*. 2011, 26 декабря, <http://topwar.ru/9637-moskva-uzhe-vybrala-preemnika-dlya-bashara-asada-i-dogovorilas-s-ssha.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

¹⁰ Ситуация в Сирийской Арабской Республике. Резолюция A/RES/66/253B. Генеральная Ассамблея ООН. 2012, 3 августа, <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/452/71/PDF/N1245271.pdf?OpenElement> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

¹¹ Syrian Uprising Map: August 2012. *Political Geography Now*. 2012, 17 August, <http://www.polgeonow.com/2012/08/syrian-uprising-map-august-2012-rebels.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

¹² Поскольку в СМИ фигурируют самые разные названия должностей и ведомств, в которых служили погибшие сирийские *силловики*, необходимо указать точные данные. В Сирии действуют четыре специальные службы. Наиболее крупная — Управление (Директорат) общей безопасности (УОБ), который в некоторых российских источниках ошибочно именуют Главным управлением безопасности. В его составе три отдела — внутренней безопасности, по делам Палестины и внешней безопасности (внешняя разведка). Следующая — Управление (Директорат) политической безопасности (УПБ) отвечает за борьбу с противниками режима внутри страны, контроль за иностранцами, наблюдение за СМИ и так далее. Его функции во многом аналогичны задачам Отдела внутренней безопасности. Управление (Директорат) военной разведки, помимо сбора сведений о вооруженных силах соседних государств, занимается оказанием помощи радикальным и террористическим группам за рубежом, ликвидацией противников режима за границей. В задачи разведки ВВС входят, помимо всего прочего, спецоперации, в том числе по ликвидации противников режима, в самой Сирии и за ее пределами. Бюро национальной безопасности теоретически призвано координировать деятельность этих служб, а также МВД, однако на деле все они подчиняются напрямую президенту. Республиканская гвардия, насчитывающая около 25 тыс. человек, отвечает за безопасность президента и высших деятелей режима, охрану центральной части Дамаска, президентского дворца и т.п. В последние годы части Республиканской гвардии помимо Дамаска были расквартированы в Хомсе, Хаме и Дараа. Наконец, режим Асада активно использует для расправ с повстанцами полувоенные формирования *шабиха*, укомплектованные главным образом алавитами и шиитами, отличающиеся крайней жестокостью.

¹³ Львов П.П. Уроки сирийского сопротивления. 2012, 22 августа, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-08-12.htm> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

¹⁴ Benkorich Nora. Comment s'organise l'opposition intérieure en Syrie? *Le Monde*. 2012, 08 août, http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/08/08/comment-s-organise-l-opposition-interieure-en-syrie_1743592_3232.html (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ McDonald-Gibson Charlotte, Walker Shaun. Russia: we're happy to sell arms to Assad. *The Independent*. 2012, March 14, <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-were-happy-to-sell-arms-to-assad-7565725.html> (последнее посещение — 10 сентября 2012 г.).